

Ким Александр Сергеевич – доктор политических наук,
профессор кафедры социально-гуманитарных наук
Хабаровского государственного университета экономики и права
(г. Хабаровск)
8(914)545-45-07; stosorok2005@yandex.ru

Североамериканская модель мультикультурализма и этномиграционная ситуация на Дальнем Востоке России

Современный мультикультурализм, давно выйдя за академические рамки, переставая быть официальным политическим курсом целого ряда европейских государств, тем не менее, продолжает существовать как устойчивый дискурс социального существования, с которым ассоциируются культурное разнообразие и групповые культурные идентичности. В пользу этого говорит его широкое зарубежно-региональное распространение, проявляющееся в институционализации его установок и практик в сфере миграционной и этнической политики. Однако степень исследованности соотношения общего и особенного в регионально-страновой институционализации мультикультурализма сравнительно невысока.

Между тем в связи с воздействием масштабной этнической миграции для России весьма актуально рассмотрение реализации мультикультуралистской модели. В составе Российской Федерации есть регионы Дальнего Востока, которые по способу формирования населения имеют много общего со странами – «родинами» мультикультурализма (США, Канада, Австралия), ибо заселялись преимущественно иммиграционными потоками при малочисленности аборигенного населения. Так, в Хабаровском крае, по данным Федеральной миграционной службы, насчитываются представители 145 народов и этнических групп. На предприятиях региона, только по официальным данным, трудятся около 30–35 тыс. иностранных мигрантов. В основном, это приехавшие в Дальневосточный регион граждане стран СНГ. На их долю приходится 41 % прибывающих в край иностранных рабочих [1, с. 85]. Большинство иностранных граждан зарегистрировано по месту пребывания в Хабаровске – 71,1 % и Хабаровском районе – 8 %. В первом полугодии 2013 г. на миграционный учет в Хабаровском крае было поставлено 67024 иностранных граждан и лиц без гражданства. По данным миграционной службы, по сравнению с аналогичным периодом

предыдущего года рост численности мигрантов составил 7,3 % [2]. В 2014 г. на миграционный учет стало 131181 чел. (-0,2 %) [2], за 11 месяцев 2015 г. – 117022 чел. (-3,1 %), в том числе зарегистрировано по месту жительства 3055 чел. (+82,9 %), из них прибывших в визовом порядке – 52776 чел. (+4,5 %) [2]. При этом сохраняется тенденция преобладания в составе приезжающих граждан среднеазиатских стран СНГ. Таким образом, по своим динамическим характеристикам иммиграционные потоки не претерпевают значительных изменений, и в целом следует отметить, что миграционная ситуация остается сложной с точки зрения усиливающейся этноконфессиональной многосоставности населения Хабаровского края.

Мультикультурализм как понятие появился в академическом и социально-политическом лексиконе Канады и США в конце 1960-х гг. для обозначения новых интеграционных проектов, кардинально отличавшихся от классической модели «плавильного котла» (melting pot), которая ранее стихийно сложилась в этих государствах. В отличие от ассимиляционного проекта, мультикультурная модель концентрируется на усилиях принимающего общества по созданию благоприятных условий для интеграции иммигрантов. С точки зрения мультикультуралистского дискурса, наложение принципиальных социально-экономических различий на этнические, конфессиональные и расовые создает мультипликативный эффект социального неравенства, которое невозможно преодолеть без реализации определенных мер, инициированных властными институтами.

Модель мультикультурной демократии начала реализовываться в США с 1970-х гг. В ее основе лежит постулат о возможности длительного параллельного сосуществования различных расовых и этнических групп в рамках единого национального государства с сохранением многообразия и разноликости культурных форм (например, этнических культур, религиозных и расовых сообществ). Реализация мультикультуралистской модели привела к следующим процессам институционализации иммиграционной политики.

1. В условиях резкого увеличения легальной иммиграции нормы гражданского равноправия стали применяться для интеграции иммигрантов из всех стран мира, а процесс натурализации стал единообразен для выходцев из любых государств вне зависимости от этнического происхождения.

2. Либерализация гражданских прав иммигрантов активизировала политическую деятельность этнокультурных групп по реализации гражданских и

политических прав и свобод, сопровождавшуюся ростом значимости судебных инстанций в этом процессе. Например, суд первой инстанции в Техасе обязал правительство штата позволить детям нелегальных иммигрантов посещать государственные школы [3, с. 66].

Можно предположить, что заимствование такого рода радикальной либерализации иммиграционной политики приведет к резкому увеличению и без того пестрого этнокультурного многообразия Дальневосточного региона, а последовательная институционализация мультикультуралистских ценностей позволит иммигрантам различного этнокультурного происхождения добиваться признания групповых интересов в публичной сфере. Формирование диаспор, члены которых не принимают правила местного общежития и не разделяют базовых гражданских и культурных ценностей страны приема, чревато масштабными конфликтными ситуациями. На Дальнем Востоке России, пусть и в отличной от других федеральных округов форме, присутствует признание этнокультурного ядра российской нации – русской культуры, ставшей одновременно национальной культурой России. Данное обстоятельство не вписывается в формат модели североамериканских «иммиграционных» государств, а, следовательно, делает невозможным принятие исходных установок на радикализацию этномиграционной политики в версии мультикультурализма. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года настраивает на укрепление единства российской нации посредством развития интеграции народов России путем сочетания этнокультурной самобытности и гражданской идентичности. Следовательно, иммиграционные группы должны интегрироваться в российское общество, а не продуцировать формирование диаспоральных сетей и сообществ [5]. Что касается поддержания культурного своеобразия приезжих, то оно должно быть в приватной сфере и поддерживаться за счет их собственных усилий. Государство же не должно запрещать публичное выражение своеобразия в формах, не противоречащих закону.

К сожалению, дефицит трудовых ресурсов в Дальневосточном регионе, сопровождающийся неблагоприятной демографической ситуацией, обуславливает отток русскоязычного населения и растущий приток этнических мигрантов, что с неизбежностью приводит к постоянному воспроизводству интереса к классической мультикультуралистской модели, а, следовательно, к увеличению вероятности институционализации ее практик. Именно поэтому необходимо изучать опыт

конфликтных ситуаций и конфликтов, возникающих как между иммигрантами и старожильческим населением, так и между различными этнокультурными группами самих приезжих. В условиях Дальнего Востока это весьма актуально, поскольку в конфликты могут быть вовлечены представители этносов, которые являются коренными или давно проживающими на территории Российской Федерации.

Таким образом, механическое заимствование мультикультурализма приведет к мультипликации конфликтного потенциала, включающего целый спектр проблем, связанных с усложнением этномиграционных процессов. С другой стороны, интеграция в практики регионального менеджмента полезных с точки зрения рационального развития дальневосточных территорий компонентов мультикультурализма вполне возможна. При условии проведения политики сохранения и развития национальной и региональной идентичностей в процессах регулирования этнической миграции заслуживают внимания «аффирмативные» (утверждающие, позитивные) практики, нацеленные на обеспечение прав меньшинств с точки зрения рациональных усилий государства по аккультурации иммигрантов и их потомков, направленных на обеспечение их функциональной социальной мобильности посредством системы образования [6, с. 144–145]. Кроме того, с учетом необходимости позитивной интеграции в принимающее общество, требуют изучения практики применения норм гражданского равноправия в процессе натурализации иммигрантов. С этой точки зрения интересно было бы исследовать опыт деятельности судебных инстанций США в сфере реализации иммигрантами полных гражданских прав, а также активизацию политической деятельности этнокультурных групп, вызванную либерализацией гражданских прав. Следовало бы также изучать деятельность институтов, сформировавшихся в результате развития Движения за гражданские права, которые позволили иммигрантам добиваться признания групповых интересов в публичной сфере [3, с. 66–67].

Стратегия сочетания политики интеграции и политики ассимиляции в регулировании этномиграционных процессов должна быть в связке с социально-экономической стратегией развития Дальнего Востока. Между тем, рост промышленного производства в регионе составил более чем 5% (по состоянию на сентябрь 2016 г. (по стране в целом по итогам 2016 г. ожидается 0,3 %)). Кроме того, следует иметь в виду существенное сокращение оттока населения (в 3,5 раза за 6 месяцев 2016 г.). Весьма показательно также привлечение за 2016 г. более 1 триллиона рублей дополнительных инвестиций (свыше 300 инвестиционных проектов) [4, с. 2]. На

Дальнем Востоке создано 13 территорий опережающего развития (ТОР), особый статус «свободного порта» получили Владивосток и еще 4 порта [4, с. 4]. При этом необходимо видеть объективные сложности для создания новых предприятий в регионе. По мнению А. Габуева, руководителя программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги, рабочая сила на российском Дальнем Востоке по сравнению с соседними государствами довольно дорогая и малочисленная – на огромной территории проживают всего 6,2 млн. человек. Сначала следует грамотно воспользоваться тем, что дала природа, – повышать объемы экспорта нефти и газа, создавая условия, чтобы строились предприятия для все более глубокой переработки. Так же нужно поступать с металлами, лесом, сельским хозяйством, рыбой [4, с. 4]. Итак, целесообразно определиться, прежде всего, с научно обоснованным управлением местным человеческим капиталом. И только в дополнение к этому рассматривать на предмет прагматичного использования институциональные практики мультикультурализма.

Список литературы

1. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Дальневосточном федеральном округе (по материалам социологических исследований) : препринт / И.Ф. Ярулин [и др.]. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2014. – 96 с.
2. Официальный сайт Управления ФМС России по Хабаровскому краю. – URL: <http://www.27.fms.gov.ru/about/Statistic>.
3. Зайка, К. Модели национальной интеграции в условиях возрастающих иммиграционных потоков / К. Зайка // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 59–70.
4. Колесниченко, А. Марш-бросок на Восток / А. Колесниченко // Аргументы и факты. – 2016. – № 36 (1869).
5. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 52, ст. 7477.
6. Тощенко, Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки : монография / Ж.Т. Тощенко. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 432 с.